

КЭРИ
ТОМАС

Санкт-Петербург

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-445
Т 56

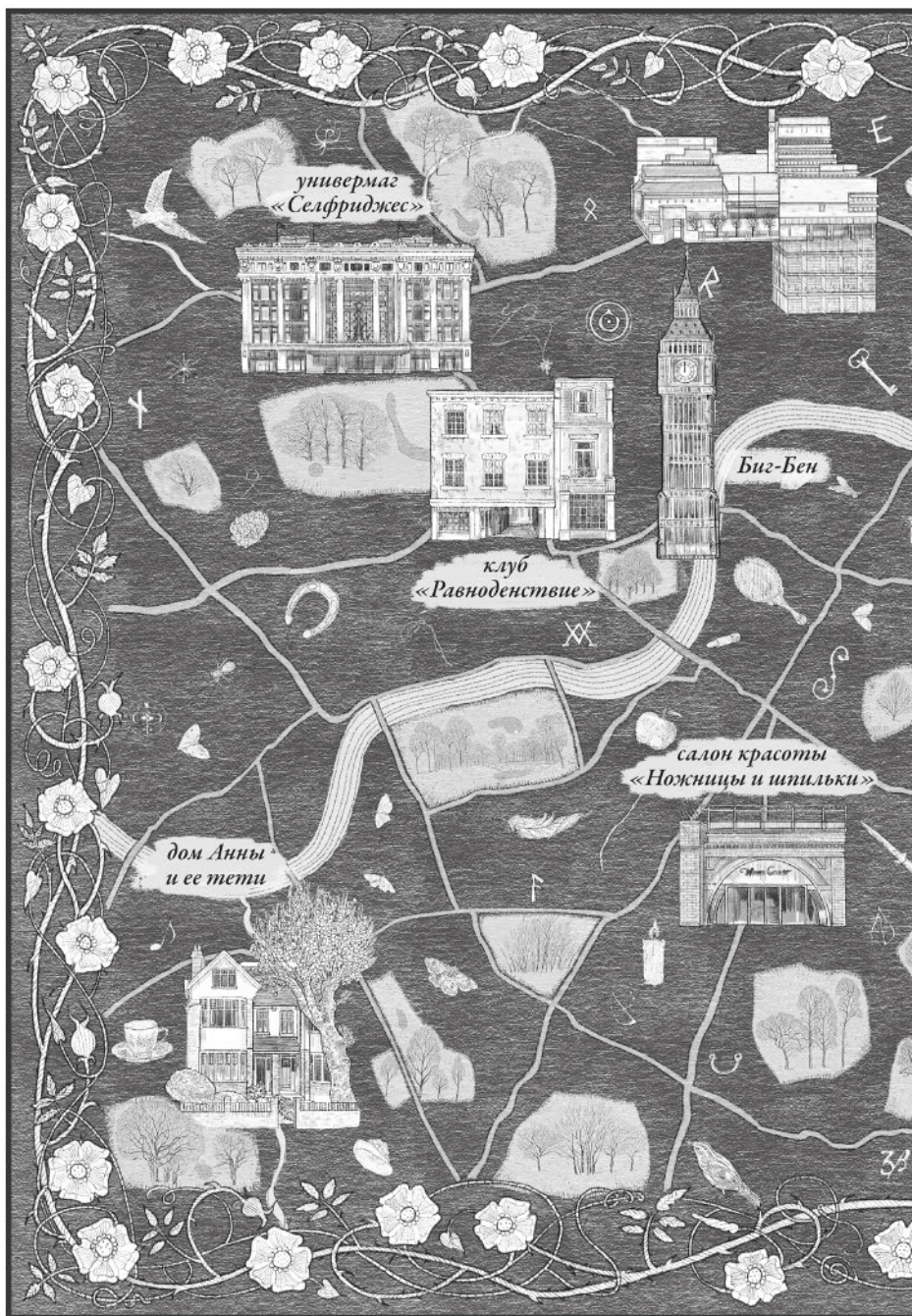
Cari Thomas
THREADNEEDLE
Text copyright © 2021 by Cari Thomas
Map and chapter illustrations copyright © 2021 by Nicolette Caven
This edition is published by arrangement with Curtis Brown UK
and The Van Lear Agency
All rights reserved

Перевод с английского Ирины Лебедевой
Серийное оформление и оформление обложки
Виктории Манацковой
Карта и иллюстрации Николетт Кавен

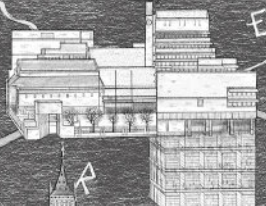
ISBN 978-5-389-19741-1

© И. Е. Лебедева, перевод, 2022
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2022
Издательство АЗБУКА®

*Моим родителям, которые показали мне,
что в этом мире существует магия*

универмаг
«Селфриджес»

клуб
«Равноденствие»

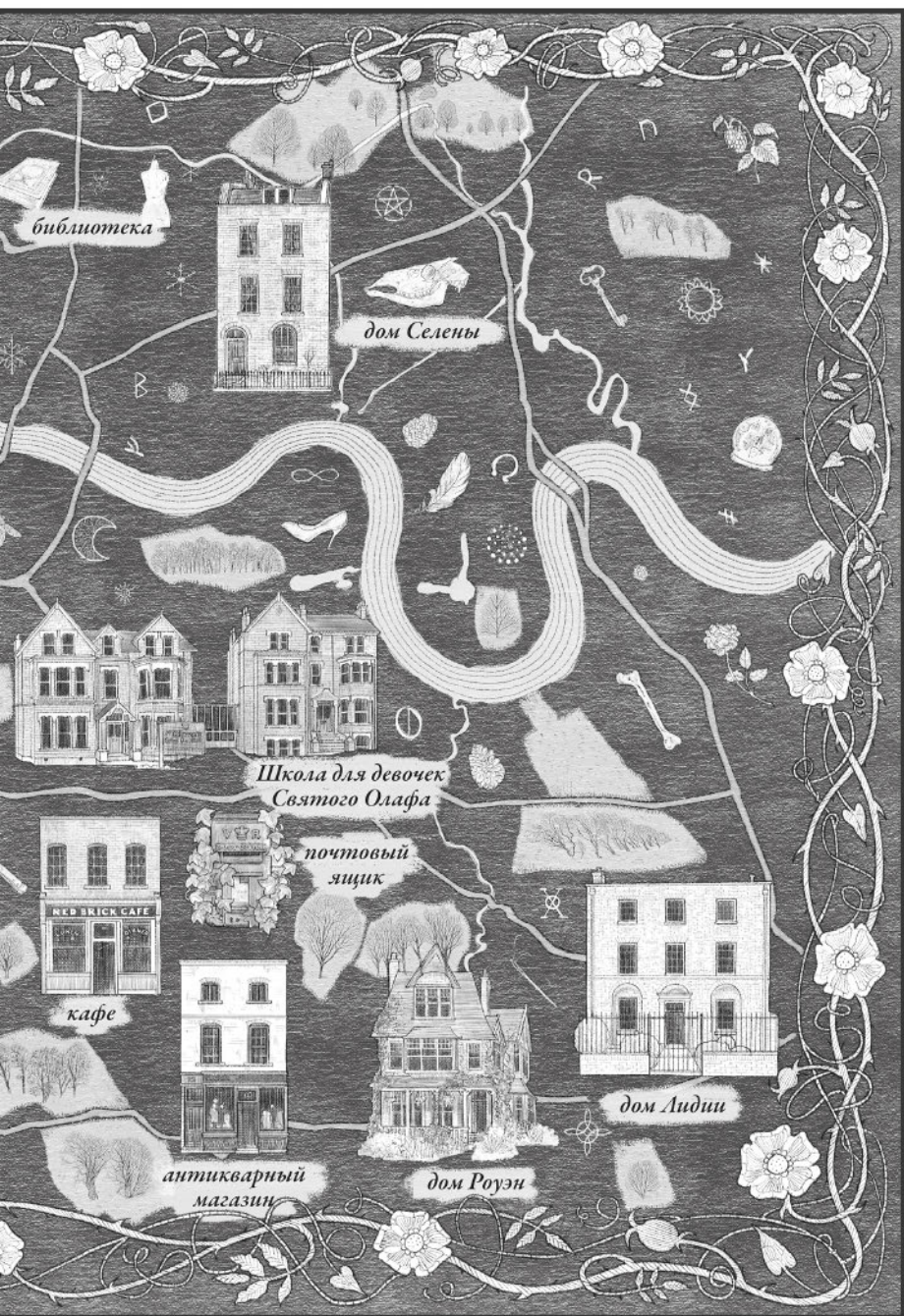
Биг-Бен

дом Анны
и ее тети

салон красоты
«Ножницы и шпильки»

библиотека

дом Селены

Школа для девочек
Святого Олафа

почтовый
ящик

кафе

антикварный
магазин

дом Лидии

дом Роуэн

Богиня тайн и тишины, к тебе взываем:
Запечатая уста, чтобы речь умерла;
Глаза проколи, чтобы зреть не могли;
Сердце свяжи, чтобы чувства ушли;
Заглуши заклятья, лишь в тебе бывать им;
Что позабыто, того не узнать;
С вырванной ветки семян не собрать;
Дверь на замок, и ключ в песок,
О магии нашей молчать¹.

Благословение наузников²

¹ Здесь и далее перевод стихов выполнен Машей Мышкиной, если не указано иное. — *Здесь и далее примеч. перев.*

² *Наузники* — пользователи узелковой магии.

И вновь, как и сотню лет назад, мрачная музыка колоколов захлестывала Лондон своей грациозностью и неподвижностью, яркой, как свет созревшей в небе полной луны. Несмотря на поздний час, в городе, что она освещала, бурлила жизнь: он был полон огней, машин и людей, которые, казалось, были повсюду, — они неспешно прогуливались или спешно куда-то неслись, работали, пили, танцевали, спали; и никто из них не замечал пронзительного колокольного звона.

Внутри башни звук был поистине оглушительным. Однако женщины не дрогнув сделали шаг вперед, замыкая плотный круг. Их босые ноги не чувствовали холода, а волосы свободно струились по спине. Облаченные в простые мантии, женщины откинули капюшоны, ощущая вибрацию колоколов каждой клеточкой своего тела; ощущая гул и марево города, расположенного внизу; ощущая тишину луны, светившей в окна; ощущая, как внутри их говорит магия. Последний удар колокола, звук, полный необратимости, повис в воздухе.

Полночь. Время пришло.

Они воздели руки к небу.

Когда это случилось, никто из них не вскрикнул — Семерка была созвана не для этого, да и в любом случае на крик у них просто не было времени. И хотя в их распоряжении были бесконечные годы, все произошло слишком быстро...

Оконное стекло разбилось вдребезги. Пролилась первая кровь ночи. Слова были произнесены: непроницаемые и нерушимые.

КЭРИ ТОМАС

Женщин отбросило назад, и их босые ноги заерзали по полу. Затем они взмыли в воздух: их мантии развевались, а руки и ноги застыли в лунном свете. Все они ощущали одно — пустоту и тщетность от осознания того, что ничего нельзя сделать: мантии обвивались вокруг шеи, пока сами женщины падали в пустоту ночи.

Только когда их тела перестали принадлежать им, они сделали то, что делают все тела: принялись извиваться, дергаться, издавать булькающие звуки и задыхаться — иными словами, медленно умирать.

А там, внизу, Лондон продолжал жить своей жизнью, и только колокола Биг-Бена хранили несвойственное им гробовое молчание.

РАДОСТЬ

В пятнадцать лет

Это был типичный пригород Лондона: расположенные в ряд плотно прилегающие друг к другу жилые дома, высокие и узкие, с суровыми фасадами, аккуратными палисадниками и железными воротами, наглухо закрытыми в столь поздний час. Плотно задернутые шторами окна этих домов светились в темноте, что царила снаружи. В сонной тишине лишь изредка можно было различить далекий шум городских магистралей или тихие шаги припозднившегося соседа, лай собаки, шепот деревьев на ветру... Однако один из домов был молчаливее других.

Тишина.

Почти гробовая и все же никем не замечавшаяся, впрочем, как и сам дом. Проходя мимо, никто не обращал на него внимания. Дом ничем не отличался от остальных домов в округе — идеально ровная гравийная дорожка, крыльцо, чопорно украшенное подвесными корзинами с цветами, и плотно закрытая белая входная дверь, надежно защищавшая обитателей дома от внешнего мира. Снаружи все словно замерло. Казалось, даже слабый ветерок не смеет нарушить эту неподвижность.

И хотя с улицы могло показаться, будто в доме царит мертвая тишина, внутри дома, в гостиной, играло пианино. Его мелодия была столь хрупкой и болезненно красивой, что казалось, будто ее породило само молчание. Мелодия билась в окна, словно раненая птица, однако, не в силах вырваться из своего заточения, возвращалась назад и исчезала в паузах между нотами.

Сидящая в кресле женщина размахивала руками в такт музыке. Рядом с ней на полу сидела девочка. Глаза ее были плотно закрыты, и казалось, будто она зачарована этой странной мелодией. В руках девочка сжимала нить с несколькими узлами — свой науз. Она не могла слушать музыку. Она могла ее слышать, но не могла слушать. Костяшки ее пальцев были белыми как снег.

Мелодия звучала все медленнее, пока одна-единственная нота не повисла в воздухе, словно звон колокола, такой чистый, такой правдивый, полный чувств.

Девочка больше не могла терпеть. Она впустила в себя эту мелодию, на мгновение ослабив свою защиту, вдыхая полной грудью радость, что она дарила. Девочка чуть не задохнулась, когда музыка начала наполнять ее легкие. Она схватилась за горло, глотая ртом воздух, но он был слишком плотным, переполненным музыкой настолько, что девочка начала в нем тонуть.

Женщина в кресле продолжала все так же размахивать в воздухе руками.

Девочка потуже затянула один из узлов на нити. И еще ту же. Она пыталась побороть панику, выталкивая музыку из своего тела, из своего разума. Она так крепко затянула узел, что боль в пальцах стала невыносимой. Радость в ее сердце внезапно затихла. Музыка волнами билась о ее защиту, не в силах проникнуть внутрь. Девочка сделала прерывистый вдох...

После секундного облегчения она плотнее зажмурила глаза, сильнее сжала нить в руках и вновь будто окаменела. Мелодия продолжала звучать, но она уже не казалась красивой, это был просто звук, интересная аранжировка воздушных вибраций. Не музыка.

ИГЛА И НИТЬ

На улице стало совсем темно. Девочка тонула вновь и вновь. В конце концов женщина перестала размахивать руками. Мелодия оборвалась.

— Магия — это первый грех; мы должны нести его молча, — сказала женщина, и в ее голосе явно послышалось разочарование, которое она не пыталась скрыть.

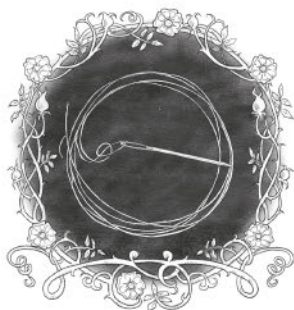
— Магия — это первый грех; мы должны нести его молча, — эхом отозвалась девочка.

— Иди спать, Анна, — велела женщина и отвернулась.

У девочки не было сил на ответ. Поэтому она молча встала, поцеловала тетю в холодную щеку и поднялась наверх.

Женщина осталась сидеть в своем кресле. Ее мысли, словно мельничное колесо, вращались медленно и тяжело. Приближался день рождения Анны. Будет ли она готова, когда придет время? Она должна быть готова. Женщина взмахнула руками, и пианино вновь заиграло свою странную мелодию.

Она была рада, что эти звуки не рождали в ее сердце ничего, кроме тишины.

СТЕЖКИ

Стежок, другой, вшиваю страх
Иголки холодом в руках.
Стежок, другой, цепочка тайн
Плетется по кровавым швам.
Стежок, другой, мне власть дана:
Узлом застыла тишина.
Стежок, другой: ласкает взор
Из плотных швов, тугих узлов
Великолепнейший узор.

*Стежковые чары. Досуг
Книга наузников*

Анна проснулась от какого-то странного чувства. Ноющего. Будоражащего. Чувства, которое она не могла точно описать. Девочка попыталась было его удержать, чтобы лучше понять, но оно уже прошло. *Сон?* Но ей не снились сны.

Анна подняла глаза на висящего над ее кроватью ловца снов. Эту своеобразную интерпретацию ведьминой лестницы — кусок бечевки с несколькими узлами — тетя подвесила к потолку три года назад, чтобы девочка перестала видеть сны. *Каждый узелок на бечевке означает пойманное ловцом сновидение.* Пока узелки развязывались, превращая ловца снов в про-

стой длинный шнур, Анна широко зевнула, усталость навалилась на нее тяжким грузом. Она вновь не выспалась. Впрочем, она никогда не высыпалась. Девочке не нужно было смотреть на часы, чтобы узнать точное время. Ей нужно было лишь немного подождать.

Вскоре раздался стук в дверь. Это происходило каждое утро в одно и то же время — ровно в половине седьмого. Первый стежок в их ежедневной рутине. *Стежок, другой.*

— Анна!

— Иду, тетя.

— Кто рано встает, тому Бог подает, но кто встает раньше всех, справится и без Божьей помощи.

Я в курсе, потому что ты повторяешь это каж-до-е утро.

— Иду, — отозвалась Анна, стараясь придать своему голосу как можно более веселый тон, чтобы почувствовать себя более веселой и живой.

Книга, которую девочка читала перед сном, все еще лежала поверх одеяла — только чтением она могла заполнить пустоту ночных часов. Анна отодвинула книгу в сторону и поднялась с кровати. Ступая мягко, словно кошка, она подошла к дверям в другом конце комнаты, распахнула их настежь и вышла на маленький балкон в задней части дома. С балкона ей открылся привычный вид на лондонский пригород: вдалеке — серая стена вместо неба, чуть ближе — плотно прижатые друг к другу крыши и темно-кирпичные дома, словно кусочки лоскутного одеяла, сшитые между собой усталой зеленью деревьев. Никакого движения в молчаливых палисадниках — лишь аккуратно подстриженные газоны и скульптурные цветочные клумбы. Анне было отчетливо слышно, как у соседней журчал маленький фонтанчик.

Девочка вдохнула свежий ветер и подумала — или, возможно, ей только почудилось, — что в воздухе пахнет переменами: дымом, осенью и Селеной¹. Прежде чем Анна успела это осознать, ее губы тронула улыбка.

¹ *Селена* — в древнегреческой мифологии богиня луны.

Еще три дня.

Еще три дня до ее дня рождения и до приезда Селены. Как-то вечером несколько дней назад они с тетей, как обычно, молча сидели в гостиной за вышиванием, и вдруг как ни в чем не бывало тетя объявила:

— На твой день рождения мы ожидаем гостей.

Сердце Анны сжалось от страха, а мысли яростно устремились к наузникам. *Они придут и устроят мне праздничный допрос?* Но затем тетя уточнила, что к ним приедет Селена вместе со своей дочерью. Анна тихонько кивнула, но новость была для нее настолько неожиданной и так взволновала девочку, что последние стежки вышивки получились крайне неаккуратными, они торчали во все стороны и были неровными, как удары ее сердца. Пришлось распороть их и вышить заново, прежде чем тетя разрешила ей закончить работу.

Селена не навещала их годами, и последний ее визит едва ли можно было назвать удачным. Она была давним другом семьи, поскольку училась в одной школе вместе с тетей и матерью Анны. Во время учебы троица была неразлучной — по крайней мере, так они говорили, — хотя Анне с трудом верилось в то, что ее тетя и Селена когда-то были друзьями. Во время своих кратких и довольно взрывоопасных визитов Селена, казалось, едва выносила присутствие тети в одной с ней комнате. Но для Анны, чья повседневная жизнь была довольно скучной, Селена была чудесным опьяняющим глотком свежего воздуха; цветной лентой на однотонной простой бечевке; ярким ключом в другой мир. Она была прямой противоположностью тете: полная жизни, полная радости, Селена обожала всякие игры, шутки и вообще привыкла наслаждаться каждым прожитым днем; искусительница, красotka, ведьма. Такая же ведьма, какими были они с тетей, и одновременно совершенно на них непохожая. И конечно, Селена не была наузником.

Анна вернулась в свою комнату. Она разгладила простыни, застелила кровать, надела тапочки и домашнее платье, взяла с прикроватной тумбочки свой науз и сунула в карман. Встав

перед зеркалом, она привела волосы в порядок. Анне всегда казалось, что ей как будто чего-то не хватает, и она особенно отчетливо ощущала это всякий раз, когда смотрелась в зеркало — словно она была не совсем там и не совсем целиком, — откуда на нее запавшими выпцветшими глазами глядела смертельно бледная девочка со спутанными рыжеватыми волосами и прыщом на подбородке, который медленно, но верно увеличивался в размерах. *Что теперь подумает обо мне Селена?*

— АННА!

— Иду!

Она поспешила вниз по лестнице, затягивая один из узлов на своей нити, пока не почувствовала, что ее возбуждение слабеет. Если тетя что-то унюхает, то непременно — просто из вредности — отменит визит Селены. В полном молчании Анна вместе с тетей сначала приготовила, а затем съела свой завтрак. Тосты с копченой рыбой. Порция была совсем маленькой, и Анна не наелась. Впрочем, она вечно была голодной. Тетя тем временем просматривала на планшете заголовки новостей, методично стуча по экрану пальцами: «Экономика Великобритании сильно просела из-за угроз премьер-министра „откатиться назад“», «Рабочие места у молодых британцев отбирают мигранты?», «Сексуальные домогательства на работе вызывают депрессию».

Тук-тук-тук — стук пальцев по экрану планшета был похож на тиканье метронома. При этом выражение продолговатого надменного лица тети оставалось нейтральным. Она умела придавать своему лицу нужное выражение — спокойное и вежливое в общении с миром. Но Анна знала, насколько напряженным подчас становилось ее лицо — вот-вот кожа треснет!

— Ты, случайно, не знаешь, где наши кухонные часы? — спросила тетя, не поднимая глаз.

Анна бросила взгляд на часы, висевшие на стене.

— Ага, ну вот. — Тетя выключила планшет и посмотрела Анне прямо в глаза. — Ты прекрасно знаешь, где они висят

и который сейчас час. Тогда почему ты все еще сидишь за столом, когда уже почти половина восьмого? Или сегодня утром дела внезапно решили сделать себя сами?

С тетей всегда было непросто, но последние несколько дней она была особенно невыносимой, как будто ей передалось беспокойство самой Анны.

— Прости, тетя. — Девочка тут же вскочила и принялась убирать со стола. — Я сейчас же возьмусь за работу.

Тетя недовольно хмыкнула.

— Мне нужно в магазин, чтобы купить кое-что к приезду наших гостей. — Последнее слово она произнесла с особой неприязнью. — И я надеюсь, что к моему возвращению дом будет сиять чистотой. Я ненадолго. — Она поднялась, собрала свои рыжие волосы в пучок и плотнее закуталась в шарф. Как и все наузники, тетя никогда не оставляла шею открытой. — Ах да, и еще кое-что, Анна, — резко добавила она, — не забудь убрать листья с дорожки, ведущей к дому. Иначе о нас будет судачить вся округа.

Боже упаси! Как только входная дверь захлопнулась, Анна в отчаянии огляделась: кухонные полки и буфет и так уже сияли чистотой. Хотя, возможно, «сияли» было неподходящим словом. Все предметы в их доме были какими-то затхлыми, тихими и неподвижными и вряд ли могли сиять. Комнаты были обставлены совершенно одинаково: кремовые стены, занавески в цветочек, антикварная мебель, скудно украшенная специфическим орнаментом. Если бы Анна переставила какую-нибудь вазу с одного стола на другой, это бы вмиг разрушило привычный порядок; у любой вещи в их доме было свое место. В углу каждой комнаты стояла кадка с розовым кустом — плотно закрытые бутоны никогда не распускались, а листья были темными и блестящими от влаги, словно высунутые языки.

Свое место есть даже у меня.

Анна подошла к холодильнику, открыла его и стащила оттуда несколько ягод клубники — одну, две, три — тетя вряд ли заметит пропажу. Насладившись вкусом ягод, девочка засу-

чила рукава и принялась за работу. Ей предстояло пропылесосить ковры, вытереть пыль с полок, побелить стены в ваннных комнатах, убрать листья с дорожки — в общем, избавить дом от любых признаков жизни. *Запомни, Анна: порядок в доме — порядок в голове.* Каждый следующий день летних каникул был похож на предыдущий как две капли воды: работа по дому, учеба, занятия музыкой, вышивание, тренировки и снова работа по дому — вновь и вновь одно и то же, словно замкнутый круг. *Стежок, другой, еще... три... дня.*

Во время своего последнего визита, три года назад, Селена пыталась обучить Анну любовной магии — магическому языку, который наузники просто на дух не переносили. За этим занятием их застала тетя. Разразился грандиозный скандал. Какое-то время тетя с Селеной успешно притворялись, будто ничего не произошло, но тут Селена решила устроить званый ужин...

Анна вспомнила, как, спустившись на следующее утро в гостиную, обнаружила там гостей, валявшихся без сознания на диванах, грязные стаканы и пятна от вина на ковре; на тетиных картинах, висящих в коридоре, она заметила что-то похожее на взбитые сливки; выйдя во двор, девочка увидела десятифутовое лиловое пламя, которое, как оказалось, испускал их мангал. Появившаяся в дверях тетя велела Анне возвращаться в свою комнату, и уже оттуда девочка пыталась расслышать, о чем так горячо спорили две женщины. Ей показалось, что Селена прокричала что-то вроде «Мы хотели зефирок!», на что тетя сначала прошипела: «Вас могли заметить соседи!», а затем принялась приговаривать: «Гнусное, отвратительное поведение!», после чего голоса женщин зазвучали глуше, но вряд ли их аргументы стали лучше. Анна не могла больше разобрать ни слова. Звук захлопнувшейся входной двери показался ей оглушительно громким. Девочка решила, что Селена больше не вернется.

Почему тетя разрешила ей приехать именно сейчас? После стольких лет? С другой стороны, Селена умела добиваться желаемого, и даже тетя не могла устоять перед ее уговорами.

Никогда прежде Селена не приезжала к ним вместе с дочерью. Анна смутно припомнила тощую фигурку, черные волосы и хмурый взгляд этой девочки, ее ровесницы. *Эффи*¹. Анна также вспомнила, как ревновала к этой счастливнице, которой повезло быть дочерью Селены. Именно поэтому она не горела желанием с ней встречаться — ни тогда, ни сейчас. *Эффи*, без сомнения, была такой же очаровательной, волшебной и жизнерадостной, как Селена. Полной противоположностью Анны.

Девочка взяла метлу и вышла на свежий воздух, который быстро помог ей избавиться от запаха моющего средства, въевшегося в ее одежду и кожу. Облака рассеялись, показалось солнце, легкий ветерок гнал по земле стайку опавших листьев — лето почти подошло к концу. Дома на Кресси-сквер, похожие друг на друга как две капли воды, взирали на нее своими окнами, и их взгляды, казалось, буравили девочку насквозь. Входные двери были плотно закрыты и напоминали поджатые в неодобрительной ухмылке губы. Анна собрала листья в охапку и бросила в мусорное ведро, однако один листочек выпал и приземлился обратно на дорожку. Девочка наклонилась, подняла беглеца и покрутила в руках; листик был сухим и коричневым. *Безжизненным*.

Не раздумывая она кинулась обратно в дом, бросила метлу прямо в коридоре, схватила с вешалки один из ключей и вновь выбежала на улицу. Перейдя дорогу, Анна направилась к садик, расположенному в самом центре площади. Надпись на воротах гласила: «Частная собственность — вход в сад разрешен только жителям окрестных домов». Девочка вставила ключ в замочную скважину — раздался лязг металла, и ворота неохотно открылись. Тетя скоро будет дома. Времени у Анны было совсем немного.

В садике никого не было. Впрочем, там никогда никого не было. В конце концов, он предназначался не для прогулок, а для того, чтобы просто любоваться им из окна своей гостиной. Анна торопливо зашагала по тропинке мимо заросших

¹ *Эффи* — уменьшительное от Эуфемия (Эвфимия).

цветочных клумб и почти пересохшего фонтана туда, где за высокими деревьями она могла легко спрятаться от любопытных взглядов соседей. Девочка села на землю, прислонившись спиной к знакомому изгибу старого дуба, и сделала глубокий вдох. Глоток свободы. В детстве она часто мечтала о побеге. Это стало ее своеобразным хобби: представлять себя героиней книг, которые она читала, выдумывать разные истории, сочинять мелодии для пианино, которые переносили ее в другое место, превращали в кого-то другого. Сейчас она таким уже почти не занималась. Разве что иногда сбегала в садик. Всего в нескольких метрах от дома находился другой мир, в котором не было ничего, кроме слабого ветра и кусочка неба над головой. Мир, где ее никто не увидит, не осудит, не накажет...

Анна положила листик себе на колени и выбрала две нити из пучка, что носила в кармане. Она быстро связала их между собой петлей, по форме напоминающей сердце, а три конца, отходящие от петли, разложила в разные стороны, чтобы они стали похожи на сердечные жилки: узел Анх, *узел жизни*. Анна сосредоточилась на листочке на своих коленях и постаралась передать ему часть той энергии, что струилась по ее жилам. Девочка представила, как листочек оживает, крепнет и выравнивается, становясь ярко-зеленым. Узел в ее руке задрожал, полный энергии. Она развязала его и почувствовала облегчение. Лист дернулся, позеленел близ стебля, а затем... вновь затих.

Безжизненный, неподвижный.

Нити понуро свисали с ее ладоней, сердце больше не билось. Анна схватила листик и, сжав в кулаке, раскрошила в пыль. Внутри ее нарастали знакомые чувства разочарования и стыда, которые девочка старалась не замечать. Больше всего ее ранила надежда, пронзавшая сердце, точно иголка, тонкая и острая. *Ведьма, не умеющая колдовать. Ходячее недоразумение!* В садике можно было скрыться от любопытных взглядов соседей, но от себя не убежишь. У нее ничего не получалось, а вскоре — уже через год — растает и последняя надежда стать ведьмой. Бежать будет некуда. Она станет наузником.

Где-то залаяла собака, и Анна чуть не подпрыгнула от испуга. Она быстро сунула нити обратно в карман и огляделась. Ее пыл быстро угасал, сменяясь страхом. Если тетя застучает ее за колдовством... Анна боялась даже представить, что ей за это будет.

Магия — это первый грех; мы должны нести его молча.

Девочка поспешила обратно, нервно поглядывая на окна окружающих домов, но не заметила в них никакого движения. На площади по-прежнему было пусто. Анна посмотрела на их собственный дом. Верхний этаж располагался под двускатной крышей с небольшим окошком посередине. В доме было темно, шторы, как всегда, плотно задернуты. Комната на верхнем этаже. Анна никогда не была внутри этого загадочного помещения. Тетя уверяла, что оно было чем-то вроде кладовки, где хранились в том числе документы наузников, и она не хотела, чтобы Анна там копалась. Девочка была вынуждена удовлетвориться этим объяснением, вынуждена была — как всегда — принять сказанное на веру.

Она вернулась в дом и остановилась у ключницы, висящей на стене. В ней было полно ключей от их жизни. Ключи от дома. Ключи от машины. Ключи от работы... Анна повесила ключ от садика на Кресси-сквер на место, и на мгновение ее рука застыла в воздухе, а затем потянулась к последнему, девятому крючку. Он не выглядел каким-то особенным — он был, казалось, чуть меньше остальных крючков по размеру, и на конце его был завязан металлический узелок, — однако заметно отличался от других. Он был как будто тише и неподвижнее. Честно хранил свою тайну. Тетин ключ. Ключ от комнаты на верхнем этаже.

Однажды Анна уже пыталась украсть его. Тогда она была еще совсем маленькой. Пока тетя была в ванной, Анна спустилась вниз и сняла ключ с крючка. Как только ключ оказался в ее руках, он принялся извиваться, рисунок на нем стал меняться, сворачиваться и разворачиваться, дергаться и трансформироваться, как при переключении передач. Анна была

словно загипнотизирована этой странной игрой и очнулась, только когда почувствовала, что над ней нависает чья-то тень. Она обернулась и увидела перед собой тетю, каждая морщинка на лице которой искажилась от гнева. Но когда тетя заговорила, в ее голосе Анне послышалась ледяная властность.

— Только в моих руках ключ обретает свою истинную форму.

Тетя сделала в воздухе пасс рукой, будто завязывая невидимый узел. Анна с содроганием вспомнила хруст, с которым сломался ее палец. Ключ выпал из ее руки. Ей пришлось дорого заплатить за то, чтобы наконец усвоить: ключ от комнаты на верхнем этаже трогать не стоит.

Анна опустила руку в карман и нащупала свой науз. Она затянула один из узлов, чтобы погасить вспыхнувшее внутри любопытство. В этом доме оно не приветствовалось. Девочка отвернулась от ключницы и поднялась вверх, чтобы вымыть руки и причесать мысли в голове.

- Красная нить?
- Сила.
- Оранжевая нить, два узла?
- Связывает противоположности.

Остатки дневного света падали через окна гостиной. В комнате было холодно. Телевизор выключен. Крышка пианино опущена. На инструменте стоял горшок с розовым кустом, бутоны которого были маленькими и дрожащими, словно мурашки на коже. Тетя сидела в своем кресле и печатала больничные отчеты. Не поднимая глаз от ноутбука, она задавала Анне вопросы, на которые та покорно отвечала, не отрываясь от своей вышивки. Шепот нити не нарушал тишины, которая повисала в комнате после каждого заданного тетей вопроса, а, скорее, наоборот, делал эту тишину более напряженной.

Стежок, другой. Стежок, другой.

- Желтая нить, вязанный узел, в понедельник?
- Залечивает травмы.

— Коричневая нить, шесть немых узлов?

— Прогоняет непрошенные мысли.

Для вышивки на этот раз тетя выбрала 139-й псалом Давида: «Соблуди меня, Господи, от рук нечестивого, сохрани меня от притеснителей, которые замыслили поколебать стопы мои». Библейские тексты были отличной заменой, ведь не могла же тетя украшать дом цитатами из Книги наузников. Как только вышивка будет закончена, она найдет свое место на стене, каждый дюйм которой был занят темной рамкой с красивым рисунком и пугающей цитатой. *Заклинания тишины и защиты*, как их называла тетя, *против того, что ждет снаружи, и того, что прячется внутри*, трогали ее сердце.

— Черная нить, семь цепных узлов, в среду.

— Удерживает от болтовни.

— Неверно.

Тетя слегка шевельнула рукой; игла вонзилась Анне в палец. Но девочка даже не вскрикнула. Она была достаточно осторожной, чтобы не дать выступившей на пальце крови испортить вышивку. Не одна ее работа была погублена подобным образом.

— Удерживает от сплетен, — быстро поправилась Анна.

— Белая нить, узел слуги?

Вопросы продолжали сыпаться на Анну как из рога изобилия. Девочка никогда не считала, что у нее есть талант к шитью, но за несколько лет кропотливой работы она научилась шить довольно сносно. Анна отвечала на вопросы не задумываясь и все это время мечтала лишь о том, как бы побыстрее покончить с вышивкой и сесть за пианино. Музыка помогала ей упорядочить мысли в голове. Вот почему она привыкла сочинять мелодии за вышивкой — *стежок, другой*, — соединяя нити вместе, словно ноты, делая стежки в определенном ритме, вшивая их в музыку узора. Для нее вышивка становилась не защитным заклинанием, а тоскливой песней.

Но в этот вечер мелодия никак не хотела складываться. Анна не переставала думать о том листочке-беглеце и ругать себя

за отсутствие способностей к магии. Почему обучение на наузника было для нее настоящей пыткой, от которой плавился мозг? Бесконечное заучивание комбинаций, чтение Книги наузников, завязывание узлов, безжалостные испытания на выявление эмоций и стежки, стежки, стежки... При этом занятия настоящей магией обучение не предусматривало.

- Серая нить, узел влюбленных, в пятницу?
- Защищает... защищает от сексуального желания...
- Снова неверно!

Игла вновь воткнулась Анне в палец, капля крови расплылась по канве. *Можно попробовать вышить на месте красного пятнышка розу...*

- То есть подавляет сексуальное желание.
- Сосредоточься, Анна! Что за бес в тебя вселился?

Никто в меня не вселился! У меня внутри ничего и никого нет, в этом-то и проблема! Может, хоть теперь Селена признает в ней неудачницу? Ведьму без способности к магии? Но ведь листик в какой-то момент шевельнулся, не так ли? Возможно, надежда, малюсенькая надежда еще оставалась?

Когда тетя наконец разрешила ей закончить на сегодня, Анна отложила вышивку в сторону и осторожно начала:

- Тетя...
- Да, Анна. — В голосе тети ей послышалось нетерпение.

Казалось, тетя знала наперед, что Анна собиралась ей сказать.

— Мы... э-э-э... ни разу за все лето не пробовали колдовать. Может быть, настало время для... э-э-э... практических занятий магией? — Анна произнесла все слова отчаянно быстро, желая выговориться прежде, чем более разумная часть мозга заставит ее замолчать.

Тетя медленно закрыла свой ноутбук. В комнате воцарилось молчание. Анна хорошо знала это молчание. Тетя всегда отвечала на ее вопросы подобным молчанием: томительным и неловким, ставящим в тупик и открывающим бездны. Такое молчание означало ее неодобрение, оно было напряженным

и красноречивым, как поджатые губы. Такое молчание означало ее гнев, подобный удару молнии без раската грома, — вы знаете, что надвигается гроза, но ее рокот пока еще слишком далекий, слишком глубокий, чтобы его можно было расслышать, хотя, если бы вам только удалось его расслышать, это сделало бы приближающуюся опасность менее пугающей...

— Анна, назови мне третье правило наузников, — потребовала тетя.

— Мы не должны творить заклинаний без крайней на то необходимости.

— И при этом внезапно ты решила, что уметь колдовать — твоя прямая обязанность?

— Нет, я просто...

— Что значит стать наузником?

Анна отлично понимала, к чему клонит тетя. Остался всего год до церемонии Связывания.

— Это значит, что моя магия будет связана внутри меня.

Стежок, другой: из плотных швов, тугих узлов рождается узор.

Анна опустила руку в карман и нащупала свой науз.

— Я просто подумала, что...

Тетя вновь взмахнула руками, и Анна замолчала, не в состоянии больше произнести ни слова. Когда-то тетина магия была связана в ходе данной церемонии. Однако теперь, когда тетя стала старшим наузником, магические способности были ей возвращены, чтобы она могла свободно исполнять свой долг.

— Ты не думаешь, Анна, а чувствуешь. В этом твоя проблема. Ты чувствуешь тягу к магии?

— Нет. — Анна крепче обхватила свой науз.

Тетя поднялась со своего кресла и села на диван рядом с девочкой.

— Твоя мать чувствовала тягу к магии, не так ли? — мягко спросила она.

— Да.

— И к чему эта тяга ее привела?

— К смерти.

Томас К.

Т 56 Игла и нить : роман / Кэри Томас ; пер. с англ. И. Лебедевой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. — 672 с.

ISBN 978-5-389-19741-1

Анна рано осталась сиротой. С детства ей неустанно твердили: тот, кто владеет магией, подвергает себя смертельной опасности и подтверждение тому — трагическая судьба ее родителей. Так что никакого колдовства! Теперь Анна считает дни до церемонии, которая «свяжет» ее магию навсегда. Но все меняется в день шестнадцатилетия Анны, когда у нее появляются новые друзья. Они открывают ей Лондон, о существовании которого она и не подозревала. Антикварный магазин, где продаются воспоминания. Секретная библиотека, где хранятся все когда-либо утраченные рукописи. Клуб, где посетители преображаются на глазах. Сеть порталов, сквозь которые могут пройти только ведьмы. И по мере погружения в этот волшебный мир Анна начинает задаваться вопросом: ее магия — дар... или проклятие?

Впервые на русском!

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-445

Литературно-художественное издание

КЭРИ ТОМАС
ИГЛА И НИТЬ

Ответственный редактор Янина Жухлина
Редактор Светлана Прохвятилова
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Светлана Федорова, Юлия Теплова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 23.12.2021. Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 42.
Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

И-53М-28500-01-Р